

Глава 1

Мне нечего сказать в свое оправдание. Мое поведение не поддается никакому анализу и рациональному объяснению. Да, вы наверняка много раз слышали все эти байки... Наёмный убийца — его воспитала улица, а начинал он с мелких краж, чтобы не умереть с голоду. Бессовестный и циничный политик — в детстве на его глазах захватчики жестоко убили отца. Отравительница — жизнь полетела под откос, когда в результате пожара погибла ее семья. Звучит знакомо, не правда ли? Трагедии прошлого могут иметь далеко идущие последствия.

В моей биографии ничего такого вы не найдете. Нет в ней психической травмы, которая вынудила меня свернуть на скользкую дорожку и хотя бы частично оправдывает мои поступки. Моя семья не была ни богата, ни бедна, и, насколько мне известно, у нее по-прежнему всё хорошо. Ни одно трагическое событие не омрачило моей юности. Собственно, я даже горжусь тем, что сделал выбор самостоятельно. Никто

не толкал меня на этот путь, я избрал его сам. Просто в один прекрасный солнечный день я решил отказаться от комфортной, законопослушной жизни и все просрать. И если хорошенько подумать, это на самом деле прекрасно. Поистине триумфальная победа свободной воли над социальным детерминизмом.

Как говорил один мой знакомый бард, в любой истории должен присутствовать злодей, и если в моей истории такого нет, значит, этот злодей — я сам. Я же смотрю на мир несколько проще: на своем пути мы встречаем только два типа людей — тех, кого можем столкнуть с дороги, и тех, кого нам приходится обходить. И хотя порой мне нравится представлять себя в этой истории большим злобным волком, всё же я не заслужил такого звания. Что же касается моральных качеств... можно ли винить пешку за то, что ей пришлось играть на стороне черных?

Повествования о тех, кто зарабатывает или когда-либо зарабатывал себе на жизнь мечом, начинаются обычно с банальной фразы типа: «Он покинул родной дом в поисках приключений». Терпеть не могу этого слова — «приключения». От него за версту несет наивностью детских сказок и героических эпосов, сочиненных сказителями в тепле и уюте домашнего очага. Нас соблазняют обманчивым миражом далеких путешествий, великолепных стран и непередаваемых ощущений, совершенно обходя вниманием блевотину, летящую за борт во время шторма, отвратительную жратву, вызывающую кровавый понос, гнойные

раны и берущий за горло страх, который чужд только глупцам. За каждой славной раной, полученной в бою, прячется гангрена, за каждой ночью, полной страсти,— постыдная болезнь, и каждому непередаваемому ощущению предшествуют дни, если не недели, нервного ожидания.

Основную массу искателей приключений составляют люди, так и не нашедшие ни одного приключения. Если же кому-либо из этих экзальтированных кретиннов всё же удастся его отыскать, они быстро убеждаются, что подписывались на что-то совершенно иное. Но к этому времени, конечно, становится слишком поздно. Выражение «искатель приключений», по большому счету, можно отнести лишь к сопливым юнцам, потому что те, кто успел познать это сомнительное удовольствие, получили урок и новых впечатлений больше не ищут, разве что у них нет никакого выбора. Таких людей, отчаянных и прожженных, мы называем ветеранами.

Если, услышав это вступление, вы боитесь, что моя история окажется скучным рассказом человека, который всегда совершал правильный выбор и прожил долгую, спокойную жизнь в достатке и безопасности, то позвольте вас разочаровать. Вся моя мудрость крепка задним умом, и поверьте, несмотря на мой нынешний старчески-назидательный тон, я был полнейшим кретином, когда принимал решения, направлявшие меня именно по тому, а не иному пути. В те времена мне нельзя было доверять что-либо ответственное.

А поскольку все любят слушать истории о людях глупее, чем они сами, думаю, вам понравится мой рассказ.

Повсеместно в мире сложилось убеждение, что воины делятся на победителей и побежденных. Это, конечно же, полный бред. Истина состоит в том, что воины делятся на живых и мертвых. Неважно, насколько ты хорош в бою и как долго тебе везет, но просто невозможно в каждой битве оказываться на стороне победителей. Рано или поздно армии, за которую ты сражаешься, зададут хорошую трепку, и она разделится на тех, кто успел смыться с поля боя на своих двоих, и тех, кто остался лежать на этом поле навсегда. Человек нашей профессии быстро познает, в чем суть: не столь важно выиграть битву, сколько спасти свою задницу, независимо от результата сражения. И тем, что всё еще топчу землю, я обязан особому таланту в этом деле. Ни меня самого, ни подобных мне не стоит считать героями или искателями приключений — мы настоящие мастера переживать несчастья.

Меня зовут Исевдир Норгаард, и мое труднопроизносимое имя выдает уроженца северного края, который вы, в своем континентальном высокомерии, именуете Другим Берегом. Еще подростком я начал ездить с торговыми караванами, но всего один болт, выпущенный из арбалета и попавший не в того человека, загнал меня в чащобу, и я, скрываясь от правосудия, стал промышлять на большой дороге. Позднее был солдатом, дезертиром и наемником, вешающим дезертиров вдоль дорог. Не думаю, что этот ранний,

юношеский период моей карьеры особо вам интересен, и по большому счету можно без особых потерь для повествования свести его к нескольким уродливым шрамам, мошне, набитой монетами разной чеканки, и одной очень неприятной венерической заразе. Так или иначе, путь, преодоленный мной в первые десять лет, привел меня в исходную точку этой истории — отвратительный город под названием Д’уирсэтх, где был расквартирован наемный Седьмой полк, в котором я служил в звании поручика. Это место отличалось исключительно дрянной погодой и не менее дрянными жителями. Стало быть, мы находились в полной заднице — с географической точки зрения.

«Д’уирсэтх» — так должно звучать последнее слово человека, подавившегося куриной костью, а не название довольно крупного города. И всё же это словечко хорошо отражает особенности речи местного населения, которая сплошь состоит именно из такого харканья и кашля. Благодаря врожденной способности к языкам я довольно быстро освоил это гортанно-булькающее наречие, но большинство моих собратьев из Седьмого полка упорно отказывались выучить даже основные слова и общались лишь на официальном эрейском языке, что не очень-то нравилось местным жителям. Не то чтобы это имело для нас какое-то значение. Аборигены и так нас ненавидели, а значит, вряд ли мы могли еще сильнее ухудшить ситуацию, и неважно, насколько открыто демонстрировали презрение к их языку и культуре.

Д'уирсэтх — крупнейший город и столица Каэлларха, пограничной провинции королевства Эреи. Прежде чем попасть сюда, я провел немного времени в высокоразвитых торговых городах побережья, где дороги широкие и мощные, движение колесниц и упряжек строго регулируется общепринятыми правилами, а помои выливают только в предназначенные для этого места и только в установленное городским советом время. В Д'уирсэтхе, напротив, отношение к помоям куда свободнее — то есть выливают их в любом месте и в любое время. Преимущественное право проезда рассматривается исключительно в категориях скорости и физической силы. А что до мощных дорог... Только один раз мне довелось в этом городе увидеть булыжник на дороге, и то он оказался там после того, как отскочил от головы городского после меткого броска какого-то малолетнего оборванца. Вершиной возможностей Д'уирсэтха в области дорожно-инфраструктурного строительства являются, без сомнения, две доски, перекинутые через лужу.

Климат в Каэллархе я бы определил как умеренно дерьмовый. Солнце появляется редко, а большую часть времени царит холодная, ветреная и дождливая погода, располагающая прежде всего к пребыванию в тавернах и борделях. К сожалению, такие формы отдыха редко были нам доступны, поскольку враждебное отношение местных жителей заставляло постоянно оглядываться, опасаясь удара ножом в спину. Законы гостеприимства, как правило, не распространялись на

нас, а плевков под ноги или болт, выпущенный из-за угла, были стандартной формой приветствия. Неприязнь туземцев, впрочем, вполне взаимная, ни в коей мере не была безосновательной.

Дело в том, что мы, Седьмой полк, находились на службе королевства Эреи, которое столетия назад завоевало суверенный Каэларх. И с тех пор продолжалась оккупация региона, а случавшиеся раз в несколько лет восстания туземцев, добивавшихся независимости, каждый раз жестоко подавлялись. Впрочем, более ранняя история взаимоотношений Каэларха и Эреи тоже не несла в себе признаков мирного сосуществования; по большому счету она состояла из двух поочередно сменявших друг друга фаз: войны и подготовки к войне... Языковые, культурные и политические различия между странами подогревали конфликт, а пожары на границе никогда не гасли. Каста воинов, иногда именуемая Кругом, до эрейского завоевания правившая в Каэлархе, постоянно бросала вызов Королевству. Однако из-за критической разницы в размерах территории и численности населения напрашивалось сравнение с мышью, бросающей вызов коту. К тому же в этой метафоре кот, помимо когтей и зубов, обладал богатыми залежами ресурсов, передовой техникой обработки металлов и логистически развитым тылом, позволявшим вести длительные кампании на враждебных землях.

Если кого-то жители Каэларха ненавидели больше, чем солдат Эреи, то это были наемные подраз-

деления на службе Королевства. Поэтому если боец Седьмого полка и выходил в город, то только в полной экипировке и в компании нескольких вооруженных сослуживцев, и где бы ни находился, всегда сидел у двери, спиной к стене. Когда командование спрашивало о настроениях в частях, офицеры часто использовали формулировку «низкий моральный дух». В ответ на тот же вопрос бойцы использовали несколько иные выражения, но почти всегда они содержали слово «блядь» в той или иной форме. Тем не менее первые восемь месяцев нашей службы в Д'уирсэтхе прошли относительно спокойно, хотя и не очень приятно. Но вот однажды в типичный для Каэлларха отвратительный и ветреный день начались неприятности. А все из-за того, что Ифрит был настоящим сукиным сыном.

* * *

— Э то не значит, что я желаю Ифриту зла,— терпеливо объяснял Считала.— Я просто говорю, что когда мне не спится, я иногда представляю себе мрачную фигуру в черном плаще, которая очень медленно, но старательно лишает Ифрита частей тела, одной за другой, и при этом не дает ему потерять сознание.

— Понимаю,— ответил я, сочувственно кивнув.— Я бы не хотел делать поспешных выводов, но у меня есть основания полагать, что ты его не очень любишь.

— Ну почему сразу не люблю? — возмутился ин-тендант.— Я лишь говорю, что если бы он покинул этот мир, я бы каждый день ходил на кладбище и танцевал на его могиле. Почему это сразу должно означать, что я его не люблю?

— И то верно. Я к тебе несправедлив. Я много раз видел, как ты танцуешь на могилах людей, к которым равнодушен и даже испытываешь симпатию.

— Святая правда.— Считала улыбнулся, явно довольный собой.— Однако это не меняет того факта, что Ифрит — мудака.

Снова я кивнул, признавая его правоту, и мы погрузились в молчание, созерцая открывавшийся перед нами вид. Мы сидели на крыше заброшенного особняка Мальдолини на Речной улице. Поскольку посещение общественных мест было связано с большим риском быть зарезанным бунтовщиками, плоская и просторная крыша этого высокого здания стала любимым местом отдыха офицеров Седьмого полка. Отсюда можно было окинуть взглядом всю панораму города: скучившиеся вокруг массивной глыбы Цитадели высокие, аккуратные здания, принадлежавшие сановникам и богатым купцам, далее — более низкие и менее впечатляющие жилища ремесленников и мелких торговцев и, наконец, чернеющее на горизонте море темных, придавленных собственной тяжестью к земле деревянных лачуг, в которых жила беднота. Дом, на крыше которого расположились мы, по высоте уступал только городской резиденции рода ван Доррен и

изящной, устремленной ввысь Цитадели, благодаря чему мы обозревали город, расходящийся кольцами, будто с макушки пирамиды.

Преыдущие жильцы оставили особняк Мальдолини, конечно же, не добровольно, это потребовало некоторого вмешательства с нашей стороны. Дело в том, что, когда мы только прибыли в город, граф де Верде, командир гарнизона, расквартировал наш полк в Старых Казармах, ветхом здании возле Большого рынка. Выдержали мы там месяц, поскольку во время очередных вспыхнувших в Д'уирсэтхе волнений бунтовщики подожгли склад, расположенный вблизи Старых Казарм, и огонь очень быстро перекинулся на наше здание. Конечно, ситуацию быстро взяли под контроль, но Старые Казармы были настолько разрушены, что де Верде просто списал их. Граф решил проблему размещения Седьмого полка типичным для себя способом — поправ достоинство оккупированного населения. Он приказал нам выдвинуться на Речную улицу, занять монастырь, а всех монахов прогнать взашей. А так как происходило это сразу после подавления беспорядков, мы, разумеется, не встретили никакого сопротивления, ведь все жители, склонные его оказывать, уже находились либо в тюрьмах, либо на глубине нескольких метров под поверхностью свежераскопанной земли.

Вскоре оказалось, что беспорядки и пожар в Старых Казармах обернулись нам на пользу. Крыша нашей прежней квартиры имела больше дыр, чем черепицы,

подвалы походили на грибные плантации, а из-за вездесущей и непреходящей влажности проживание в казармах становилось совершенно невыносимым. Монастырь, напротив, предлагал вполне комфортные условия, а монахи оставили после себя полные кладовые провианта. Кроме того, монастырь располагался в самом центре плотно застроенного района, а потому нам пришлось создать вокруг него зону безопасности, иными словами выселить всех жителей из соседних домов и разместить там стражников. Вскоре мы стали считать эти здания не только форпостами, но и местами для отдыха, а самое заметное и высокое из них — особняк Мальдолини — занял офицерский корпус.

Именно об этом я размышлял, сидя на крыше в компании Считалы и наслаждаясь одним из тех редких моментов, когда дождь давал передышку промокшему городу. Из задумчивости меня вырвал какой-то шум, и я осознал, что слышу чьи-то приближающиеся шаги. Через некоторое время люк в полу приподнялся, и мы увидели мерзкую рожу Безумного Йорлана. Широко распространенная в полку версия утверждает, что от природы он был весьма привлекательным мужчиной, но страсть к взрывчатке быстро лишила его красоты. Его лицо покрывали шрамы и ожоги, а волосы со временем сильно поредели и по цвету напоминали выцветшую траву.

Он преодолел последние ступеньки, а когда вышел на крышу, оказалось, что в руках он держит полный ящик помидоров. Здесь следует подчеркнуть, что

